

УДК 093+94(470.5)"1843/1844"

DOI: 10.22378/2410-0765.2024-14-1.117-124

Формулярные списки мещеряков
Башкиро-Мещеряцкого войска 1843–1844 гг.
как источник по военной истории татар

Р.Ф. Масагутов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Общество татарских краеведов Республики Башкортостан

Уфа, Российская Федерация

Статья посвящена анализу особенностей формулярных списков татар-мишарей, входивших в состав Башкиро-Мещеряцкого войска. Несмотря на отсутствие должного внимания к данному виду источников в научной литературе, сведения из них представляют большой интерес в контексте военной истории татар в период имперской России. Среди пласта специфических документов особо следует выделить формулярные списки о службе и достоинстве военных чинов, поскольку они позволяют сформировать социальный портрет, восстановить послужной и боевой путь татарского военнослужащего. Вместе с тем в источнике ярко прослеживается социальная дифференциация мещеряков. Так, сыновьям рядовых казаков и урядников сложно было продвигаться по карьерной лестнице. Изучив материалы формулярных списков, автор делает вывод о преимущественно линейном характере службы мещеряков в рассматриваемый период. Небольшая часть военнослужащих была задействована в подавлении бунтов местного населения, а дипломатическая и заграничная служба носила эпизодический характер.

Ключевые слова: татары-мишари, мещеряки, формулярные списки, военнослужащие, урядники, казаки, кантоны, ведомости

Для цитирования: Масагутов Р.Ф. Формулярные списки мещеряков Башкиро-Мещеряцкого войска 1843–1844 гг. как источник по военной истории татар // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2024. Т.14, №1. С.117–124. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.117-124>

Татары-мишари после завоевания Казанского ханства использовались царским правительством для закрепления власти и охраны границ государства от кочевников. Так, в 1676 г. мещеряки, совместно с русскими войсками, участвовали в усмирении ногайцев и башкир [1, с.122]. После этого их поселили на территории Западного Приуралья «для безопасности города Уфимска и земель, занятых ими после бежавших оттуда ногайцев» [8, с.271].

Основной обязанностью уфимских мещеряков была станичная служба, которая осуществлялась дозорными конными отрядами – «станциями»

[4, с.221]. Кроме того, они сопровождали царских дипломатов к сибирским татарам, калмыкам, казахам, каракалпакам и другим народам. По царской грамоте 1688 г. мещеряки должны были служить в Уфе вместе с уфимскими дворянами и иноземцами, за что их освободили от уплаты ясака [3, с.272].

Превращение мещеряков в военно-служилое сословие официально закрепилось 10 апреля 1798 г. с введением кантонной системы и организацией Башкиро-Мещеряцкого войска. Башкиры и татары–мишари были встроены в новую систему административно-территориального управления – кантоны, делившиеся, в свою очередь, на юрты. На территории Оренбургской губернии было образовано 11 башкирских, 5 мещеряцких и 7 казачьих кантонов [5].

Введением кантонной системы правительство реализовывало свои военно-политические цели. Во-первых, переложило на башкир и мещеряков основную тяжесть сторожевой службы по охране юго-восточных рубежей, во-вторых, получило более мобилизационный резерв для привлечения в случае необходимости к военным действиям.

Наиболее ценным источником по истории военной службы мещеряков являются формулярные списки. Формулярные (послужные) списки – это форма систематического и регулярного учета лиц, находившихся на военной или гражданской службе, существовала с середины XVIII в. до 1917 г. Формулярные списки являлись основанием для статистических данных о количестве генералов, офицеров и солдат в армии, для начисления жалования за полугодие (с начала 20-х гг. XIX в. – за треть года). Послужные списки составлялись за определенное число лет, прослуженных в армии, при выходе в отставку и начислении пенсии, представлении на получение чина, должности, переводе из одной части в другую, в случае отдачи под суд [6, с.36]. Таким образом, занесенные в формуляр сведения приобретали свойства официальной, юридически-значимой информации.

В отчетной документации по личному составу русской армии термин «формулярные списки» встречается со второй половины XVIII в., но потребность иметь формализованные и, по возможности, подробные документы по учету персонального состава появилась в России с возникновением кадровой армии [9, с.25]. При этом изначально при ведении послужных ведомостей отсутствовала строго установленная форма. Сенатским указом 1789 г. были установлены формуляры со следующими графами: «1. Чин, имя, фамилия и должность, им отправляемая, и сколько от роду лет; 2. Из какого звания происходит; 3. Сколько имеет во владении мужского пола душ, людей и крестьян, в которых уездах и как имена селений; 4. Когда в службу поступил и в одной какими чинами, в каких должностях и где происходил, также не было ли каких отличных по службе деяний и не был ли, особенно, кроме чинов, чем награжден и в какое время (годы, месяцы, числа); 5. В походах против неприятеля и в самих сражениях был или нет и когда именно; 6. Не был ли в штрафах и под судом, и если был,

то за что именно, когда и чем дело кончилось; 7. К продолжению штатской службы способен, и к повышению, чем достоин или нет и за что; 8. Не был ли в отставке с награждением чина или без одного и когда; 9. Женат ли, имеет ли детей, кого именно, каких лет и где они находятся» [7, с.57].

Формулярные списки Башкиро-Мещерякского войска хранятся в Национальном архиве Республике Башкортостан (НА РБ) в фонде Оренбургского военного губернатора (Ф.И-2). Хронологически они охватывают период с 1836 по 1863 год. К сожалению, формулярные списки мещеряков до сих пор не удостоены должного внимания и не введены в научный оборот. В 2012 г. Институтом истории, языка и литературы АН РБ был издан двухтомник «Формулярные списки о службе чиновников Башкиро-Мещерякского войска за 1836–1842 годы» [2], но в книгах опубликованы сведения лишь по башкирским кантонам.

Наибольший интерес для изучения военной истории татар представляют формулярные списки военнослужащих пяти мещерякских кантонов за 1836–1842 гг. (дело №14139 фонда И-2 НА РБ¹). Как правило, формулярные списки состоят из ведомости о состоянии юрт кантона, формулярного списка о службе и достоинстве чиновников и урядников, именного списка служащих рядовых казаков. Иногда встречаются и кондуитные списки о поведении и способности обер-офицеров и зауряд-чиновников (хорунжие, зауряд-есаулы, зауряд-сотники, зауряд-хорунжие).

Ведомость о состоянии юрт кантона фиксировала число чиновников, урядников и казаков, лиц духовного звания в юртах, включала сведения о юртовых старшинах, их помощниках и писарях. Также в ведомости были отражены названия деревень, входивших в состав юрты, что очень удобно для определения принадлежности деревни к юрте и кантону.

Отдельного внимания заслуживают формулярные списки о службе и достоинстве чиновников и урядников. Они представлены в виде таблиц, графы которых содержат сведения о фамилии, имени, отчестве мещеряка, его чине, должности, возрасте, социальном происхождении, знаках отличия, имущественном положении (владении недвижимостью), образовании, месте службы, времени вступления на службу и назначении на занимаемую должность, участия в походах и сражениях, взысканиях по службе, судимости, времени нахождения в отпусках и отставке, семейном положении. Фиксировался также уровень грамотности: большая часть чиновников владела татарской грамотой (умели читать и писать), 20% знали и русскую, и татарскую грамоту, 10% были безграмотными. Недостатком записываемых сведений является то, что обозначалось лишь полученное «казенное» образование чиновника, тогда как татары-мишари в большинстве обучались в медресе, что не указывалось в формулярных списках, и об окончании ими медресе можно предположительно узнать лишь по языкам,

¹ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф.И-2. Оп.1. Д.14139.

которыми владел кантонный начальник. Например, знание арабского и персидского языков, скорее всего, говорит о получении религиозного образования, хотя это не является абсолютно достоверной информацией, некоторые могли изучать языки, получая домашнее образование.

Списки позволяют проследить послужной путь каждого чиновника и урядника, восстановить хронологию и географию службы. Анализ списков позволяет выявить преимущественно линейный характер службы мещеряков в рассматриваемый период. Кроме того, имеются сведения об участии чиновников в подавлении бунтов местного населения. Так, зауряд-хорунжий 3-й юрты 1-го мещеряцкого кантона Абдулгалим Махмутов, 36 лет, находился на линейной службе в 1835 г. в Петропавловской крепости, в 1841 г. в крепости Танальщкой, а в 1843 г. в отряде для усмирения бунтовавших крестьян Челябинского уезда².

Эпизодически присутствует информация о дипломатической и заграничной службе мещеряков. Кантонный начальник 4-го мещеряцкого кантона Ибрагим Сейфуллин сын Валитов по предписанию Оренбургского военного губернатора с 1825 г. был письмоводителем у султана Средней Орды Юсупа Нуралеева, а с 1834 г. числился в двухсотенном отряде при том же правителе, охранял торговые караваны и участвовал в примирении джигалбайлинцев с аргинцами. В 1835 г. сопровождал председателя Оренбургской пограничной комиссии по киргизской степи. Во время походов в составе армии Юсупа Нуралеева был ранен, но в плен не попал³.

В списках имеются сведения и об участии татар-мишарей в антинаполеоновских кампаниях. Юртовой старшина 1-го мещеряцкого кантона Ахмет Хусеинов с 1812 г. «находился в походах против французских войск со 2-м мещеряцким полком» и был награжден серебряной медалью за взятие Парижа. Такой же медалью удостоили зауряд-сотника 3-го мещеряцкого кантона Ардашира Тарзиминова сына Галикеева, пробывшего в 1813–1815 гг. в заграничных походах⁴. Некоторые старшины, урядники и зауряд-хорунжие, преимущественно 4-го мещеряцкого кантона, составили печально известный 1-й мещеряцкий полк Москвы. В боевых действиях он участия не принимал, а был оставлен для несения караульной службы в сгоревшей Москве. Служба 1-го Мещеряцкого полка в Москве, начавшаяся в декабре 1812 г., закончилась только в 1817 г.

Данные о судимости у многих отсутствуют, однако таковые люди были. Так, зауряд-есаул 4-го мещеряцкого кантона Шагимардан Мансуров находился под судом за кражу лошадей, но по Всемиловейшему манифесту освобожден. Кроме этого, необходимо отметить урядника того же 4-го кантона Хисметулла Гаитова, который за разграбление питейного дома находился под судом и был наказан в 1818 г. 25 ударами плетью, также

² НА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.14139. Л.923.

³ Там же. Л.1161–1163.

⁴ Там же. Л.922, 1085.

он обвинялся в краже, но по манифесту 1826 г. освобожден. Были и другие случаи противоправных действий мещеряков. Некоторые мещеряки вели себя непотребно, как, например, Абдуллатиф Шарыпов, который был предан суду за пьянство и «ослушание против начальства»⁵.

Раздел формулярных списков «из какого состояния» позволяет выявить социальное происхождение чиновника. Например, юртовой старшина зауряд-хорунжий Аллагиар Бектемиров происходил из старшинских детей. Указание в формулярных списках родовых фамилий мещеряков позволяет выявить состав татарской элиты в Башкиро-Мещерякском войске. Среди занимающих высокие должности отмечены представители таких аристократических родов, как Даутовы, Супхангуловы, Байбурины, Ишбулатовы, Карачурины и др. Стоит отметить, что даже в ревизских сказках 1850 и 1859 гг. родовые фамилии зачастую отсутствуют.

Высшие должности передавались по наследству, тогда как сыновьям обычных урядников и казаков с трудом удавалось сделать военную карьеру. Вместе с тем элита в мещерякском войске на 60% состояла из младших и зауряд-офицеров, которые имели не выше армейского чина поручика. Лишь небольшая часть кантонных начальников сумела подняться по служебной лестнице достаточно высоко.

Интересные сведения можно почерпнуть из графы «семейное положение». Здесь записывалось количество жен чиновника, их имена и происхождение. Также обозначалось количество детей. Большой процент полигамных браков свидетельствует об их высоком социальном статусе, так как иметь несколько жен могли лишь состоятельные люди. Кроме того, данная информация позволяет раскрыть семейно-родственные связи внутри национальной элиты, формирование наследственных династий кантонных начальников.

Формулярные списки рядового состава содержат лишь скудные сведения: имена и прозвания, время вступления в службу, а также информация о том, сколько раз несли службу.

В заключение хотелось бы отметить, что формулярные списки мещеряков представляют особую ценность для изучения военной истории татар, так как являются уникальным источником информации о военнотружущих мещерякских кантонов, дают обширные биографические данные и сведения о прохождении военной службы татар-мишарей. Данные списки позволяют составить социальный портрет мещерякского чиновника, определить его принадлежность к аристократическим родам, проследить карьеру, а также выявить родовые связи.

⁵ НА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.14139. Л.1175 об.–1176, 1190 об.–1191, 1192 об.–1193.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Габдуллин И.Р.* Формирование мещеряцкого населения в Уфимском уезде в XVI – начале XVII века // Археография Южного Урала: исторический и современный опыт народов Волго-Уральского региона в развитии и укреплении архивного дела. Материалы VIII Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 90-летию Государственной архивной службы России. Уфа, 28 октября 2008 г. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2008. С.120–128.
2. Документы и материалы по истории башкирского народа (1836–1842): Формулярные списки о службе чиновников Башкирско-мещеряцкого войска за 1836–1842 годы: в 2 кн. / сост.: А.Я. Ильясова, З.Г. Гатиятуллин. Кн.1. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 924 с.
3. *Дэн В.Э.* Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII в. и статистика населения в конце XVIII в. Т.II. Ч.2. М.: Университетская типография, 1902. 319 с.
4. *Масагутов Р.Ф.* Перепись вахмистра Петра Сорнева 1720 г. как исторический источник по изучению поселенческой сети татар-мишарей в Петровскую эпоху // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №4. С.219–228.
5. ПСЗ РИ-1. Т.ХХV. №18477.
6. *Радимушкина А.В.* Формулярные списки как источник по истории генералитета и офицерского корпуса в Войске Донском в XVIII – первой половине XIX века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки: Научно-образовательный и прикладной журнал. 2011. №5 (165). С.36–39.
7. *Сайфуллина Л.Ф.* Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2009. 205 с.
8. *Сулейманов А.М.* Бузовьязовские династии и их шежере. Уфа: ООО «Информ-реклама», 2016. 516 с.
9. *Целорунго Д.Г.* Офицеры и солдаты российской армии эпохи Отечественной войны 1812 года: Социальные портреты и служба. Бородино: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2017. 280 с.

Информация об авторе:

Масагутов Руслан Фанисович – научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); председатель Общества татарских краеведов Республики Башкортостан (Уфа, Российская Федерация); ORCID: 0009-0006-7221-0981; e-mail: medgarant-ooo@yandex.ru

Поступила 6.12.2023

Принята к публикации 1.02.2024

Formulary lists of Meshcheryaks of the Bashkir-Meshcheryak army
of 1843–1844 as a source on the military history of the Tatars

R.F. Masagutov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

*Society of Tatar local historians of the Republic of Bashkortostan
Ufa, Russian Federation*

The article is devoted to the analysis of the features of the formulary lists of the Tatar-Mishars who were part of the Bashkir-Meshcheryak army. Despite the lack of due attention to this type of sources in the scientific literature, information from them is of great interest in the context of the military history of the Tatars during the period of imperial Russia. Among the layer of specific documents, special mention should be made of the formulary lists about the service and dignity of military ranks, since they make it possible to form a social portrait and restore the service and combat path of the Tatar military man. At the same time, the source clearly shows the social differentiation of the Meshcheryaks. Thus, it was difficult for the sons of ordinary Cossacks and constables to move up the career ladder. Having studied the materials of the formulary lists, the author concludes that the service of the Meshcheryaks was predominantly linear in the period under review. A small part of the military personnel was involved in suppressing riots of the local population, and diplomatic and foreign service was sporadic.

Keywords: Tatars-Mishars, Meshcheryaks, formulary lists, military personnel, constables, Cossacks, cantons, statements

For citation: Masagutov R.F. Formulary lists of Meshcheryaks of the Bashkir-Meshcheryak army of 1843–1844 as a source on the military history of the Tatars. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2024, vol.14, no.1, pp.117–124. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2024-14-1.117-124> (In Russian)

REFERENCES

1. Gabdullin I.R. Formation of the Meshcheryak population in the Ufa district in the 16th – early 17th centuries. *Archaeography of the Southern Urals: the historical and modern experience of the peoples of the Volga-Ural region in the development and strengthening of archival affairs. Materials of the 8th Interregional Scientific and Practical Conference dedicated to the 90th anniversary of the State Archival Service of Russia. Ufa, October 28, 2008*. Ufa, 2008. Pp.120–128. (In Russian)
2. *Documents and materials on the history of the Bashkir people (1836–1842): formulary lists on the service of officials of the Bashkir-Meshcheryaks army for 1836–1842, in 2 books*. Compiled by A.Ya. Ilyasova, Z.G. Gatiyatullin. Book 1. Ufa: Institute of Language, Literature and Arts, 2012. 924 p. (In Russian)
3. Dan V.E. *The population of Russia according to the fifth revision. Poll serve in the 18th century. and population statistics at the end of the 18th century*. Vol.2. Part 2. Moscow: University Printing House, 1902. 319 p. (In Russian)

4. Masagutov R.F. The Census of Sergeant Peter Sornev (1720) as a historical source for the study of the settlement network of Tatars-Mishars in the Peter the Great era. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2022, vol.12, no.4, pp.219–228. (In Russian)

5. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI). Collection 1*. Vol.25, no.184777. (In Russian)

6. Radimushkina A.V. Formulary lists as a source on the history of the generals and officer corps in the Donskoy Army in the 18th – first half of the 19th century. *News of higher educational institutions. North Caucasus region. Social Sciences: Scientific, Educational and Applied Journal*. 2011, no.5 (165), pp.36–39. (In Russian)

7. Sayfullina L.F. *Cantonous chiefs of Bashkiria: national regional elite of the first half of the 19th century*. Dissertation for Cand. Sci. (history). Ufa, 2009. 205 p. (In Russian)

8. Suleimanov A.M. *Buzovyaz dynasties and their shezhere*. Ufa: Inform-Advertising Publ., 2016. 516 p. (In Russian)

9. Tselorungo D.G. *Officers and soldiers of the Russian army of the era of the Patriotic War of 1812: Social portraits and service*. Borodino: State Borodino Military History Museum-Reserve, 2017. 280 p. (In Russian)

Masagutov Ruslan Fanisovich – Researcher, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); Chairman of the Executive Society of Tatar Local Historians of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russian Federation); ORCID: 0009-0006-7221-0981; e-mail: medgarant-ooo@yandex.ru

Received December 6, 2023

Accepted for publication February 1, 2024